

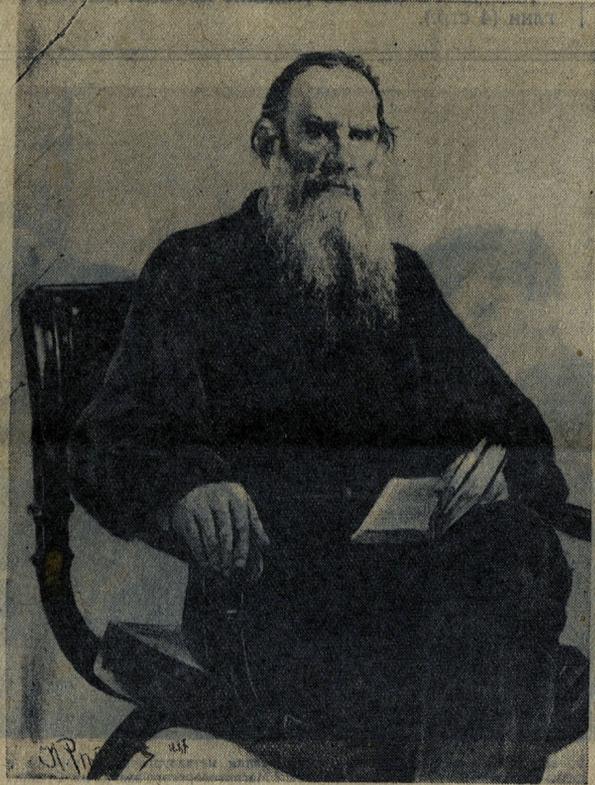
1910

Лев Толстой

1940

(К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СОДНЯ СМЕРТИ)

Гений русского народа

С портрета работы И. Е. Репина.

Имя Льва Толстого с законным восхищением произносится все передовое человечество. Несравненные картины русской жизни, созданные этим художником-исполнителем, принадлежат к числу бессмертных произведений мирового искусства, а его творчество является собой, по определению В. И. Ленина, «шаг вперед в художественном развитии всего человечества». С тем большим основанием гордится Львом Толстым наш народ, чей героический облик запечатлен в эпохе, повесах, рассказах гениального писателя, народ, чья ненависть к эксплуататорскому строю с такой исключительной силой выражена в произведениях великого художника.

Толстой был трезвым реалистом, беспощадным ко всякой фальши, напыщенности, неискренности.

«Герой моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда», — писал Лев Толстой, заканчивая один из своих севастопольских очерков. Неукротимое стремление к правде, которое пронизывает всю многолетнюю литературную деятельность Толстого, неизменно сопровождается сознанием, что эту правду надо искать в народных «низах», в трудовой массе. Основным героем толстовского творчества стала поэтому не отмеченная прада, а правда, воплощенная в жизни, трудах, в чаяниях миллионов масс русского крестьянства, стремившихся к своему освобождению от гнета эксплуататорского общества. Не правду вообще, а народную правду искал Толстой, как художник.

Характеризуя свое величайшее произведение, Лев Толстой как-то сказал: «В «Войне и мире» и любовь и мысль народную». Это — знаменательные слова. Мысли и чувства народа — вот высший критерий для лучших героев автора «Войны и мира». Эти мысли и чувства Лев Толстой последовательно и настойчиво, во произведениях в произведении противопоставлял элитарному «светскому обществу».

Уже сам Толстой родился и воспитывался в знатной дворянской среде, хотя большинство персонажей его произведений — выходцы из этой среды, писатель с детства своей литературной деятельностью создает образы людей, пренебреженных нравственного недолговечия этим окружением. Уже в первых автобиографических повестях «Детство» и «Отрочество» Толстой рассказывает о том большом влиянии, которое на него оказали русские народные сказки и былины. Начиная с ранних своих произведений, писатель стремится быть ближе к народу и моральный уровень «простых» людей кажется ему неизмеримо выше морального уровня обитателей барских усадеб. В замечательной повести «Базарки» Лев Толстой дает рельефный контраст между фигурами здоровых, полных сил людей из народа — Ершковой, Марьяны — и драбленными, погруженными в самоанализ людьми из дворянского сословия вроде Оленина. В «Севастопольских рассказах» — этих замечательных военных корреспонденциях, занимавших выдающееся место в русской художественной литературе пятидесятых годов прошлого века, — Лев Толстой в первую очередь преследует задачу о солдатской массе, полнотой постигающей патриотические чувства, истинной выразительнице героических настроений русского народа. Что же сказать о «Войне и мире», где главным героем является русский народ, многомиллионное крестьянство, самоотверженно отстающее родную землю?

Учителем одного из любимых толстовских героев Пьера Безухова становится простой русский крестьянин Платон Каратаев. Николай Ростов «учился у мужиков и приемам, и речам, и суждениям о том, что хорошо и что дурно».

Писатель неизменно подчеркивал народный дух военной тактики полководца Кутузова.

Когда появились первые повести Льва Толстого, передовая русская критика прежде всего отметила глубину психологического анализа, столь характерную для замечательного мастера автора «Детства» и «Отрочества», — исключительное искусство показывать «диалектику души», по выражению Н. Г. Чернышевского. Но Лев Толстой потому и стал в ряду гениальнейших писателей всех времен и народов, что глубокий психологический анализ он сочетал с необычайно широким и правдивым социальным охватом окружающей его действительности. Именно в этом направлении развивался талант Толстого, изображенного в ряде бессмертных произведений «диалектику души» русского крестьянства. О чем бы ни писал Толстой, даже тогда, когда он касался переживания отдельных своих героев из великосветской среды, — он неизменно думал о судьбах России, о народной трудовой массе, как решающей и всеопределяющей исторической силе. Вот, к примеру, описание военной жизни князя Нехлюдова из «Воскресения»:

«Дела не было никакого, кроме того, чтобы в прекрасном шитом и вышитом не самим, а другими людьми мундире, в каске, с оружием, которое тоже и сделано, и вышито, и подано другим людьми, ездить верхом на прекрасной, тоже другими воспитанной и выжеванной и выкормленной лошади на ученье или смотр с такими же людьми, и скакать, и махать палашами, и стрелять и учить этому других людей».

Лев Толстой всегда видел перед собой этих «других» людей, которые своими руками создают все материальные ценности, коуют оружие — и этим оружием, не паша сра и жизни, защищают родину от посягательства врагов. Лишь оно, либеральному, «квасному патриотизму» верхов феодальной России писатель противопоставляет истинные патриотические чувства народной массы, которая без эффектных жестикаций, без громких слов, самоотверженно боролась за родную землю, спасала ее от интервенции в решающие исторические часы. Крымская кампания 1855 года, в которой Толстой активно участвовал, в особой мере помогла молодому писателю увидеть и показать всему человечеству, в чем основное отличие подлинного народного патриотизма от многого «патриотизма» придворной знати.

Гневно обличая лихоизм, произвол и нравственное разложение высшей военной верхушки, Лев Толстой воспевает полных защитников Севастополя, их скромное поведение, их «стыдливое» чувство любви к родине, которое горело в сердце каждого русского трудового человека. В очерке «Севастополь в декабре месяце» Толстой писал: «Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видите, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за горня, а за родину». Налого оставил в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...

Лев Толстой особенно настойчиво подчеркивал и с исключительной психологической глубиной раскрывал зоровые патриотические чувства, характерные для русской народной массы. Вот что является лейтмотивом «Войны и мира» — этой Ильины нового времени, настоящим гимном которого был русский народ — мужественный и непреклонный в борьбе за родину. Под гениальным пером Льва Толстого война 1812 года выступает как подлинно народная война.

По подсчету одного из литературоведов, в «Войне и мире» — являясь пятьдесят девять персонажей. Замечательно не только то, что каждый из этих персонажей выписан художником с непревзойденным мастерством, правдиво и ярко, но и то, что вся созданная им эпопея представляет собой величественную патристическую симфонию. Как забыть такие, например, эпизодические фигуры, как крестьяне Влас и Карп, которые жгут свое село, чтобы оно не осталось неприятелю; так же скромные, типичные всякого внешнего блеска образы, как образ капитана Тушина, или организатора партизанских отрядов Василия Денисова и многих других, проявивших исключительную стойкость, беззаветную храбрость в борьбе с врагом. И не случайно Кутузов выступает в эпоху, как человек, который в отличие от многих других военачальников, проникся народной мудростью и благодаря этому сумел выполнить свою историческую миссию. Отмечая, что Кутузов носил в себе народное чувство во всей красоте и силе, Лев Толстой говорит: «Только признание в нем этого чувства заставило народ таким странными путями его, в немыслимо находящегося старика выбрать против воли паря в представлении народной войны».

Воспевая в «Войне и мире» народ, как носителя зоровых патриотических чувств, Лев Толстой особенно близок этим нашей эпохе, в которую любовь к родине, к своему народу стала единым чувством, органически свойственным каждому советскому человеку от мала до велика.

Лев Толстой, как известно, отразил в своем творчестве все те трудности, с которыми сталкивалось русское крестьянство, стихийно искавшие путей к своему освобождению между 1861 и 1905 годами. Отсюда и критичное противоречие в литературном облике Толстого, противоречие между его идеологией «непротивления злу», философией примирения и каратавщины и той героической настроенностью, которой отличался даже пассиве его произведения вроде «Хаджи-Мурата». Эта противоречивая позиция Льва Толстого в классических статьях Владимира Ильича Ленина, показавшего, что «противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века». Отсюда и сложность толстовских отношений к патриотизму в последние годы жизни великого писателя: с одной стороны, искренняя, стихийная, активная любовь к родине, от которой Лев Толстой не мог отрешиться, даже проповедуя непротивление злу (так, например, узнав о падении Порт-Артура, Лев Толстой записал в своем дневнике: «Слава Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм»), а с другой стороны, непонимание того, что только насильственное свержение эксплуататорского строя, только социальная пролетарская революция способны освободить народ от произвола помещиков и капиталистов, обеспечить могущество и процветание родины.

Лучше, что создано Толстым-художником, написано вопреки его философским заблуждениям. Мы восхищаемся неподдельным талантом замечательного русского писателя, который всем своим творчеством засвидетельствовал величие и исключительную одаренность русского народа.

Наша родина всегда будет гордиться тем, что она вдохновила и выдвинула такого гениального песенника народных патриотических чувств, как Лев Николаевич Толстой.

А. ЛЕЙТЕС.

Рисунок на материалах музея Л. Н. Толстого.

Памяти великого писателя

ТУЛА, 19 ноября. (Норр. «Труда»). Тулянинские Тульские области широко отмечают 30-летие со дня смерти великого русского писателя Л. Н. Толстого.

Научные сотрудники Яснополянского музея прочли на предпринятых и учрежденных области 30 лекций о жизни и творческом пути гениального мастера слова.

Тысячи тулянских Тулы, Ефремова, Шекина просматривали передвижную выставку «Жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого».

В последние дни заметно увеличилось количество посетителей Яснополянского музея. Ежедневно здесь бывает 150—200 человек. За 10 месяцев 1940 года в музее побывало свыше 25 тысяч тулянских.

20 ноября в Яснополянской школе имени Толстого состоялось общественное заседание, посвященное 30-летию со дня смерти великого писателя. В заседании принял участие представитель Академии наук СССР, правления Союза советских писателей, Института мировой литературы им. Горького и др.

ЛЕНИНГРАД, 19 ноября. (Норр. «Труда»). Ленинградский лекторий организован на заводах и фабриках около 200 лекций и вечеров художественного чтения, посвященных памяти Льва Николаевича Толстого. Лекции, устраиваемые в помещениях лектория, неизменно собирают многочисленную аудиторию. В пикл, помимо общих лекций о творчестве Толстого, включены также лекции о наиболее крупных произведениях писателя.

Лекции и доклады о жизни и творчестве писателя организуются на Кировском заводе, заводах им. Сталина, имени Серго Орджоникидзе, комбинате имени Кирова и других предприятий.

В день 30-й годовщины со дня смерти Л. Н. Толстого во Дворце культуры и во всех поселковых клубах организуются специальные доклады и лекции.

Ленин о Толстом

Как только вышла книга Горького о Толстом, Ленин тут же, несмотря на исключительную перегруженность, прочел ее сразу от первой до последней страниц.

В отношении к Толстому, как и в своих отношениях ко многим другим выдающимся вопросам русской жизни и русской культуры, Ленин и Горький совпали очень близко. Они оба резко критиковали Толстого за его ложные и вредные взгляды. Они оба чрезвычайно высоко ценят его художественный гений, его неутомимые поиски правды.

Горький вспоминает об одной из своих встреч с Лениным: «Как-то пришел к нему и вижу: на столе лежит том «Войны и мира»».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да, вот, вспоминаю, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу выжимку о Толстом.

Улыбаясь, прищурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле, и позиция голос, быстро продолжал: «Какая глыба, а? Какой матерый человек! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазами, спросил: — Кто в Европе можно поставить рядом с ним? Сам себе ответил: — Никого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный. Я нередко подмечал в нем черту гордости русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивно, но потом я научился слышать в ней отзвуки глубокой, радостной любви к рабочему народу».

В этом воспоминании Горького очень метко вскрыта сущность отношения Ленина к Толстому. Ленин гордился Толстым не просто потому, что он русский писатель, а потому, что он русский народный писатель, который с исключительным мастерством отразил в своих произведениях целую эпоху истории России, с огромной впечатляющей силой передал настроение широких масс, обрисовал их положение, выразил их стихийные чувства протеста и негодования.

Толстой не был социалистом в революционном смысле этого слова. Но своим творчеством он объективно помогал трудящимся массам подняться до сознательного понимания окружающей их действительности.

Ленин неизменно подчеркивал, что критика реакционных сторон учения Толстого, надо всегда помнить, какой богатый материал для просвещения масс содержит литературное наследие великого писателя. Владимир Ильич высоко ставил личность Толстого, который бесстрашно срывал все и всяческие маски с защитников самодержавия, церкви, помещиков и буржуазии.

Статьи Ленина о Толстом представляют собой классический образец марксистской литературной критики. Это самое блестящее по меткости характеристике, глубине анализа, четкости формулировок из всего написанного о великом русском писателе. Только изучив эти статьи Ленина, можно ясно понять, в чем заключалась истинное величие Толстого, его сильные и слабые стороны. Ленин писал: «...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».

между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одиночества и мучений рабочих масс...» (Ленин).

Правдивость критических высказываний Толстого неразрывно связана с реалистическими традициями русской классической литературы. Русская классическая литература подняла реализм на такую высоту, на которой реализм писателей и поэтов Запады никогда не стоял.

Когда мы обращаемся к произведениям даже таких больших французских реалистов, как Стендаль и Бальзак, а тем более к творчеству английских реалистов — Фолдингга, Дикенса, Теккерея, мы находим у них много такого, что больше походит на сказку, чем на быль. В жизни так не бывает. Это литература. У Толстого же необычайно выступает, как сама жизнь. Это не литература, а жизнь в ее исключительном проявлении.

Отрапичившим одним примером из «Войны и мира»: Андрей Болконский после разрыва с Наташей ищет случая встретиться с ненавистным ему Анатолием Курягиным. Встреча происходит совершенно неожиданно на перевальном пункте, куда приносят раненого Болконского. Это кажется необычным. В дальнейшем развитии романа мы сталкиваемся с другим столь же необычным совпадением — умирающий Болконский оказывается в усадьбе Курягиных, так и встреча Болконского с Наташей Ростовой даны с такой человечностью и правдивостью, что мы забываем про случайность совпадений.

Привозило гениальность Толстого, как великого художника-реалиста, высоко ценя объективную силу его произведений. Ленин сурово осуждал в учениях писателя все то, что наносило вред делу освобождения трудящихся, делу революции.

«Противоречия во взглядах Толстого, — указывал Ленин, — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху».

В толстовском непротивлении злу Ленин видел серьезнейшую причину поражения революции 1905 г. Крестьянство в пору первой революции еще не научилось рвать руку об руку с рабочим классом и под руководством рабочего класса и его партии бороться со своими угнетателями. Тогда «...Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и металась, писала прошения и посылала «хотелостей»... совсем в духе Льва Николаевича Толстого» (Ленин).

Большевики указали крестьянству прямой путь к освобождению от ненавистного капиталистического гнета, и огромная масса крестьянства встала за оружие, пошла под знаменем нашей партии бороться с плечу с рабочим классом, на путь к самодержавию и капитализму. Так моральный протест народных масс, который Толстой выразил с такой огромной силой, превратился в активное социальное действие.

После смерти Толстого Ленин писал: «Толстой-художник известен ничтожно меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который отудил миллионы и десятки миллионов на темноту, заблуждение, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

Предвидение Ленина свершилось. Октябрьская революция, уничтожив капиталистический строй, открыла миллионам читателей широкий доступ к произведениям великого писателя. Все гениальное, прекрасное, чем так бесконечно богато его творчество и за что Ленин так высоко ценил Толстого, стало ныне подлинным достоянием всего народа.

И. НУСИНОВ.

Взыскательный художник

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕКРЕТАРЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

В последний период своей жизни Толстой установил определенное расписание дня и твердый режим работы.

Около восьми часов утра он обыкновенно отправлялся на 30—40 минут прогуляться по аллеям красивого яснополянского парка. Вернувшись, забирал с собой то, что получено по почте: письма, книги, рукописи, газеты. Просмотрев одну какую-нибудь газету, он затем прочитывал письма и делал на конвертах отметки относительно дальнейшей судьбы каждого письма. Отметки эти были трех видов: «отвечать» — это означало, что он сам имел в виду через некоторое время ответить на письмо; «И. Н. ответить» — это значило, что на данное письмо он поручал ответить мне, при чем в иных случаях он тут же давал краткий конспект ответа; и, наконец, на письмах, казавшихся Толстому недостаточно серьезными, ставилась отметка «Б. о.», т. е. «без ответа». Часто бывало, что, прочитав заинтересовавшее его письмо, он сразу диктовал ответ, который я записывал стенографически.

Чтением писем и газет как бы заканчивались во время сношения Толстого с внешним миром. После этого он на несколько часов целиком уходил в свою творческую работу. Лев Николаевич любил работать в абсолютной тишине и плотно прикрывал двери, которые вели из его кабинета в столовую. Никто не должен был входить к нему во время занятий: ни родные, ни секретари, ни приезжие посетители.

Быстро поздравив после работы и поговорив с посетителями, если они были, Лев Николаевич опять отрывался на прогулку в ближайшем к Ясной Поляне лесу, носившем историческое название «Базека». Название это образовалось еще в шестнадцатом веке, когда местные жители, опасаясь нашествия татар, «засекали» деревья, т. е., подрубив их, пригнали верхушками к земле, чтобы преграждать путь неприятельской коннице.

Толстой выбирал обычно знакомые места и бродил или ездил верхом по едва заметным тропинкам, не зная порою, куда они приводят. В кармане его блузы всегда находилась записная книжка, куда он во время прогулок заносил свои мысли.

Толстому было свойственно беспело погружаться в ту работу, которой он в данный момент был увлечен. Примером тому можно привести очень много. Так, 25 декабря 1878 г., когда он усиленно работал над оставшимся незаконченным романом из эпохи декабристов, Толстой писал декабристу П. И. Свистунцову: «Работа моя томит и мучает меня и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни бодростью, ни здоровой мыслью о ней ни на минуту не покидает меня».

Вечером Лев Николаевич уже не работал так напряженно, как утром. Сила у себя в кабинете, он читал или писал письма; слушал музыку, если приезжал кто-либо из московских музыкантов; играл в шахматы или участвовал в общих разговорах, когда бывал кто-нибудь из гостей или посетителей. Лев Николаевич всегда с большим интересом слушал рассказы о том, что делается в стране. Многие из того, что ему передавали, он затем использовал как материал для своих статей, и часто на другой день я находил в новой его статье отголоски вчерашних разговоров.

Передо Толстойю прочитывал вслух своим домашним и гостям только что написанную статью и затем спрашивал их мнение. Он внимательно выслушивал каждое критическое замечание и, если находил его справедливым, сейчас же вносил исправления.

Литературной работы в ночные часы Толстой не признавал.

— Работается хорошо днем, после сна, — говорил он, — а ночью, после долгого дня, нельзя так ясно мыслить. Когда человек работает, то в работе в сущности участвуют две: одна работает, а другой критикует. А при ночной работе критик спит.

Толстой утверждал даже, что можно определять какие произведения писались ночью и какие днем:

— Диккенс и Руссо, — говорил он, — писали днем, Достоевский — ночью, Байрон — также ночью.

От установленного распорядка для Лев Николаевич почти никогда не отступал. Никаких праздников Толстой не признавал; он работал ежедневно, если бывал здоров. Отдых он позволял себе только в те дни, когда чувствовал себя умственно утомленным; в этих случаях он только читал. Но такие дни были чрезвычайно редки.

Считая своей нравственной обязанностью служить народу своим писательским дарованием, Толстой в высшей степени требовательно относился к литературному труду.

— Писатель не должен, — говорил он, — выпускать из своих рук вещь до тех пор, пока не вложит в нее все, что может. Художественное произведение должно быть совершенно как по содержанию, так и по форме.

О том, какое значение придавал Толстой совершенству форм художественного произведения, красноречиво говорит следующая запись в его дневнике от 21 января 1896 г.:

Художник, по мнению Толстого, должен быть в мельчайших деталях верен той действительности, которую он описывает. «Когда я пишу историческое», — писал Толстой в 1902 году по поводу своей работы над «Хаджи-Муратом», — я люблю думать до последних мелочей верным действительности». Следует, однако, сказать, что это требование писатель предъявлял не только к историческим романам, но и ко всем своим художественным произведениям. Ему очень нравилась характерная подробность биографии одного испанского поэта. В биографии этой приводится рассказ старой няни поэта, Ставухи с третьей стала замечать, что ее питомец не спит по ночам, а в лунные ночи уходит в поле или в лес. Один раз ночью она встала, поспешно оделась и вышла из дома. Няня пошла за ним. Видит — молодой человек подошел к колодезю, вытаскивал ведро воды и постепенно стал выливать ее на землю; потом налил еще ведро, опять вылил на землю, еще раз зачерпнул и снова стал выливать. Няня решила, что молодой человек сошел с ума. А дело объяснялось очень просто: поэт хотел увидеть и услышать, как в тихую лунную ночь льются и плещутся струйки воды; ему нужно было это для его нового стихотворения.

Толстой приводил это, как пример взыскательности к себе истинного поэта, одаренного настоящим художественным чутьем. Вообще крайнюю требовательность к своим произведениям Толстой считал первым условием литературного труда и признаком истинного дарования.

Ему очень нравился рассказ о знаменитом художнике К. Брюллове. Когда одну картину Брюллова похвалили за ее простоту, художник сказал: «Будет просто, когда переделаешь раз со сто».

Каждая строка, вышедшая из-под пера Толстого, — плод упорного, напряженного труда гениального писателя.

Н. ГУСЕВ.